

Встреча первая, неофициальная

До недавнего времени считалось, что Сталин никогда не видел лично Булгакова. Однако обнаруженные в последние годы факты позволяют предположить иное. Вот только принадлежат эти факты к той сфере, которой прежде нельзя было касаться из-за запретов ханжеской морали: к частной жизни обиход действующих лиц нашей хроники. Более того, к наиболее сокровенному разделу частной жизни. Именно здесь впервые перекрестились жизненные пути Булгакова и Сталина в середине 20-х годов. И если их знакомству суждено было случиться именно тогда, произойти это могло лишь на неофициальной почве. В иерархии советского общества они занимали слишком далеко отстоявшие друг от друга ступеньки.

Михаил Булгаков, перебравшийся в Москву в конце 1921 года, начинал свою литературную карьеру буквально с нуля. Он перепробовал немало профессий — от конферансье до инженера, пока не впрягся на несколько лет в журналистскую лямку сразу в нескольких печатных изданиях эпохи нэпа. Только публикация, хотя и неполностью, в 1925 году в журнале «Россия» романа «Белая гвардия» принесла ему литературную известность и, что немаловажно, открыла дорогу в театр. Одновременно две студии лучшего драматического театра страны — МХАТа — обратились к Булгакову с предложением переработать роман для сцены. Скоро Булгаковым была заменена первая редакция пьесы, которая впоследствии будет названа «Дни Турбиных», поставлена МХАТом на большой сцене и принесет автору первую громкую славу.

В отличие от Булгакова Сталин свою карьеру, правда, совсем не литературную, а политическую, сделал уже к 1922 году, когда стал генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Заняв эту ключевую позицию, а точнее — превратив ее в такую, он начал борьбу за сосредоточение в своих руках реальных рычагов власти в стране.

Но даже у диктаторов жизнь не сводится к политике и интригам. Отдыхновения от неправедных трудов генсек искал в кругу своих приближенных, в число которых входил секретарь ЦИК Амель Енукидзе. Именно Енукидзе был одним из главных организаторов кремлевских кутежей и оргий, отголоски которых далеко расходились по стране и остались в памяти современников. Енукидзе отвечал за присутствие на сталинских застольях женщин, которых тогда не чуждался в общем-то аскетически настроенный вождь.

Что касается секретаря ЦИК, то он был выдающимся же-нолюбом, что не преминули поставить ему в вину его сотоварищи по увеселениям, когда в 30-е годы настала пора раз-борки с ним. Кстати сказать, и Булгаков по-своему подтвер-дил эту репутацию Енукидзе, выведя его в «Мастере и Мар-гарите» в образе Председателя акустической комиссии мос-ковских театров Аркадия Аполлоновича Семплеярова: его адюльтерные похождения перед зрителями театра «Варьете» разоблачает Фагот, он же Коровьев.

К московским театрам Енукидзе действительно имел са-мое непосредственное отношение: он вместе с Ворошило-вым был, например, членом Комиссии по руководству Боль-шим и Художественным театрами и деятельно участвова-ел во всех баталиях вокруг булгаковских пьес. Видимо, не без пос-редничества Енукидзе Сталин познакомился с секретарем-машинисткой дирекции МХАТа Ольгой Сергеевной Бокшан-ской, которая стала его любовницей.

С середины 20-х годов эта женщина начинает занимать все более заметное место в жизни Булгакова. Именно О. С. Бокшанская печатала текст первой и второй редакций пьесы «Дни Турбиных». Она послужила прототипом Полиньки Торо-пецкой в «Театральном романе»: Бокшанская предстает там во всеоружии, как «дама с великолепным цветом лица и в алом джемпере», автор заинтересовался и «ножками, обу-тыми в заграничные туфли».

Булгаков весьма пластично описывает и процесс совме-стной работы с Бокшанской—Торопецкой, которая в конце 30-х годов снова помогла ему при перепечатке окончательного варианта «Мастера и Маргариты».

«Торопецкая идеально владела искусством писать на ма-шинке. Никогда я ничего подобного не видел. Ей не нужно было ни диктовать знаков препинания, ни повторять указа-ний, кто говорит... Из-под руки Торопецкой шла почти без подчисток идеально ровная страница пьесы, без единой грамматической ошибки — хоть сейчас отдавай в типогра-фию». Булгаков отмечает и чрезвычайную широту функций Бокшанской—Торопецкой в театре. К ней сходились многие нити весьма сложного театрального мирка. О чем не сказано в «Театральном романе», так это о том, что автора и его за-мечательную помощницу связывало нечто большее, нежели эти профессиональные занятия: их близость отнюдь не была лишена совершенно интимных оттенков.

Благодаря О. С. Бокшанской, если судить по некоторым свидетельствам, Булгаков в середине 20-х годов познако-мился со Сталиным. Встреча их произошла, хотя она и не была зафиксирована историографией и точной даты у нее нет. Завязался узел в судьбе писателя, который развязался, и то лишь отчасти, только с его смертью.

К О. С. Бокшанской восходит и другое знакомство Булга-кова, которое наложило неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую жизнь: она ввела в окружение писателя свою младшую сестру Елену Сергеевну Нюренберг (в первом за-мужестве — Шиловскую) — третью, последнюю жену Булга-кова.

Встреча вторая, политическая

В контексте этих событий становятся понятными некото-рые политические аспекты повести Булгакова «Собачье серд-це», написанной в январе—марте 1925 года и впервые напе-чатанной в нашей стране лишь спустя 62 года. Это произве-дение Булгакова завоевало огромную популярность у читате-лей, оно экранизировано, многие театры поставили инсцени-ровки повести. Однако прочтение повести в духе перестроеч-ной гласности повело к обедненному восприятию ее многог-лобного содержания, пронизанного отсылками к реальности 20-х годов.

Острая политическая адресность «Собачьего сердца» став-ит его особняком в творчестве Булгакова, по многим причи-нам сторонившегося актуальной политики. Об этом он с пол-ной открытостью сказал в послании-исповеди «Тайному другу». В «Собачьем сердце» Булгаков нарушил свой завет и отклонился на политическую злободневность.

Основной политической злободневностью 20-х годов были распри в партийно-государственной верхушке Советской Рос-сии, связанные с борьбой Сталина за единоличное гос-подство. Булгаков в своей повести дал сатирическую версию этих событий. За каждым или почти за каждым ее персона-жем стоит какой-нибудь из политических деятелей того вре-мени.

Профессор Преображенский имеет своим прототипом Ленина, его ассистент Борменталь — это Троцкий; Швондер, председатель домкома, — это Председатель Моссовета Ка-менев. В облике Полиграфа Полиграфовича Шарикова Бул-гаков вывел Иосифа Виссарионовича Сталина.

По тексту повести разбросаны намеки на Сталина: зная-щую металлом фамилию Чугункин носит человек, чей гипо-физ был пересажен профессором Шарiku и чьи черты харак-тера унаследовал вновь назначенный заведующим подгото-дом очистки города Москвы от бродячих животных (главный организатор политических чисток!) товарищ Шариков. Имя у него тоже подходящее — как у Ворошилова: Клим. Имеется у Шарикова по линии Чугункина и прошлое каторжанина, со-всем как у Сталина. Да и внешне они похожи до неразличи-мости: «Человек маленького роста и неимпониной наруж-ности. Волосы у него на голове росли жесткие... Лоб пораз-жал своей малой вышиной».

Начинавший прозревать, какую уголовную мразь впустил он в свое окружение, Преображенский—Ленин сперва ничего особенного не предпринимал и, «может быть, вследствие его бездействия, квартира жизнь переполнилась событиями». Шариков—Сталин обзаводится всеческими документами и мандатами, постоянно ссорится с Преображенским—Лени-

Мифы и легенды — орудия, с помощью которых люди добывают смысл из истории. Это относится как к истории «большой», мировой, так и к отдельным ее фраг-ментам, индивидуаль-ным судьбам. Таким, например, как история взаимоотноше-ний между русским писателем Михаилом Булгаковым и комму-нистическим диктато-ром Иосифом Стали-

ным. Чтобы уяснить ее смысл, надо вспомнить евангельские повество-вания и светские леген-ды о встречах с Дьяво-лом. Они стали матери-алом, который положи-ли в основу своих про-изведений великие художники слова. Траге-дия Гете «Фауст», роман Булгакова «Мастер и Маргарита» — пожалуй, самые известные из них. Автор упомянутого

романа хорошо знал эти сюжеты, постоянно к ним возвращался и примери-вал их к своей собствен-ной жизни. С полным на то основанием. Ибо ему довелось повстречаться с Дьяволом не только в своем творческом вооб-ражении, но и в реальной действительности. Роль Дьявола в жизненной драме Булгакова сыграл Сталин. О некоторых эпизодах из хроники их встреч и пойдет речь.

БУЛГАКОВ И СТАЛИН

ИЗ ХРОНИКИ ВСТРЕЧ С ДЬЯВОЛОМ

ным, требует знаков уважения от Борменталья—Троцкого, пы-тается блудить и пьянствовать прямо на профессорской квартире.

Преображенский—Ленин произносит пророческие слова по поводу роли Швондера—Каменева и его приспешников в по-литическом возвышении Шарикова—Сталина: «Швондер и есть главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него еще более грозная опасность, чем для меня. Ну сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на само-го Швондера, то от него останутся только рожки да ножки». Так и произошло в жизни. А в повести Преображенский с Борменталем соединенными усилиями ликвидируют товари-ща Шарикова, превращая его снова в Шарика, дворовую со-баку, не причастную к большим планам изменения человека.

Сразу же после окончания повести «Собачье сердце» Бул-гаков отдал ее в альманах «Недра». Она понравилась редак-тиров...шим альманах В. В. Вересаеву и Н. С. Ангарскому, но ее не пропустила цензура. Для преодоления цензурных за-труднений Ангарский попытался заручиться (о, ирония жи-зни!) поддержкой Каменева, который так-таки прочитал руко-пись. Случилось то, что и должно было случиться! Каменев узнал себя и своих коллег по Политбюро в героях повести. Вердикт его гласил: «Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя».

Надо полагать, прочитал «Собачье сердце» не только Ка-менев, не вынашивший заклоченному в нем предупреждению, но и Сталин. В мае 1926 года на квартире Булгакова был проведен об-сик, в результате которого ГПУ конфисковало рукопись по-вести и дневники писателя. Позже его вызывали в ГПУ на допрос. О том значении, которое придавало сталинское руко-водство страны Булгаковским текстам, говорит факт, всплывший только в 80-е годы: в одной из бесед В. М. Молотов сообщил о том, что «дневники Булгакова читало все Политбюро». Даже в те времена партийная верхушка своим вниманием удостоивала далеко не каждого писателя. С Булгакова больше не спускали глаз не только «компетентные органы», но и направлявший их работу Сталин. Таких выпадов против себя он не прощал никому. Тем более, что у Сталина были и личные основания не выпускать Булгакова из виду. В «Собачьем сердце» Шариков является на квартиру Преображенского в сопровождении худенкой, с подринованными глазами барышни, машинистки Васнецовой. Некоторые комментаторы повести узнают в ней Ольгу Сергеевну Бокшанскую.

Встреча третья, театральная

Вторая половина 20-х годов была отмечена для Булгакова плодотворной работой в качестве драматурга и постановкой его пьес московскими театрами: во МХАТе с аншлагом шли «Дни Турбиных», в театре им. Е. Вахтангова — «Зойкина квартира», в Камерном театре был поставлен «Багровый остр-ов». Эти спектакли пользовались колоссальным успехом у зрителей, а первые два вообще стали легендарными. Одним из частых гостей на этих спектаклях был Сталин: «Дни Турби-ных» он видел не менее 15 раз, «Зойкину квартиру» — 8 раз. Генеральный секретарь показал себя весьма впечатлитель-ным зрителем: артисту МХАТа Н. П. Хмелеву, исполнявшему в «Днях Турбиных» роль Алексея Турбина, он признался, что его усики снятся ему по ночам. Но это не мешало ему смот-реть на булгаковскую драматургию через политические очки: в «Днях Турбиных» он усмотрел демонстрацию «всесокруша-ющей силы большевизма», оговариваясь при этом, что «ав-тор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации».

Именно это ход мысли, не лишенный пикантной абсур-дности, стал общим местом в многочисленных откликах и ре-

цензиях на постановки булгаковских пьес. Булгаков, к приме-ру, насчитал около трехсот рецензий на «Дни Турбиных»: все рецензенты, за исключением считанных единиц, последними идеологическими словами поносили драматурга, навешивая на него смертельно опасный в те дни ярлык «певца белой идеи». А триумф спектакля у зрителей (до 1941 года пьеса прошла на сцене МХАТа около 940 раз) целиком объясняли выдающимся актерским исполнением.

Громкий и дружный критический вой вызвала «Зойкина квартира», которая только за сезон 1926—1927 годов выдер-жала 100 представлений, то есть шла чуть ли не через день. Лейтмотивом выступлений критиков было требование снять пьесу с репертура. «Вечерняя Москва» 14 февраля 1927 года поместила посвященную Булгакову частушку следующе-го содержания:

Я напишу строки четыре.
И станет ясно, дело в ком:
Сдается «Зойкина квартира»,
Но снять не хочет репертком.
Хорошо организованная травля Булгакова увенчалась в 1929 году снятием с репертура и «Дней Турбиных», и «Зой-киной квартиры». То же случилось и с «Багровым островом» в Камерном театре. Так и не увидев света рампы «Бег», кото-рый с октября 1928 года репетировался во МХАТе. За этим действом чувствовалась твердая направляющая рука. Это была рука «кремлевского горца».

В начале 1929 года Сталин пошел в решительную атаку на Бухарина, Рыкова и Томского, объявленных «правыми укло-нистами», подвел черту под нэпом и провозгласил новый по-литический курс. Под знаком его практической реализации в области культуры происходила и расправа с Булгаковым. Это становится очевидным из ответа Сталина на письмо драма-турга В. Н. Биль-Белоцерковского, где тот предупреждал генерального секретаря о «правой опасности», исходявшей от Булгакова.

Сталин не поленился сам ответить 2 февраля 1929 года бдителному и завистливому драматургу, объяснив прежнюю терпимость властей к Булгакову нехваткой «своих» пьес, год-ных для постановки. «Бег» Булгакова в известной ему редак-ции Сталин объявил «антисоветским явлением», а «Багровый остров» назвал вообще «макулатурой». Оценки Сталина, раз-умеется, получили директивный характер, хотя они были высказаны в «частном» письме. Они фактически перекрыли Булгакову кислород как писателю: его прозу не принимали в печать, его пьесы оказались под запретом. Булгаков попал в крайне тяжелое положение, лишившись элементарных средств к существованию.

Тогда он решился на отчаянный шаг: 6 июля 1929 года на-писал письмо Сталину, копии которого направил Калинин, Горькому и Свищевскому (начальнику Главискусства). В пись-ме он описал переживаемую им катастрофическую ситуа-цию, свои литературные и театральные мятарства, действия ГПУ и просил выслать его за границу вместе с женой. Обра-щение осталось без ответа. 3 сентября писатель отправил письмо с аналогичной просьбой Енукидзе. Молчание. За Бул-гакова пытался вступить Говоркий. Без видимых результа-тов. Булгаков находился на грани самоубийства, держал при себе револьвер. Он, правда, не оставлял литературной рабо-ты: написал пьесу о Мольере, начал работу над романом о Сатане, который тогда назывался «Консультант с копипом». А Сталин держал паузу.

В марте 1930 года Булгаков повторил попытку разрешить свою судьбу с помощью Сталина: он разослал 28 марта в семь разных адресов письмо к правительству СССР. Сталин получил его лично в руки: оно было передано ему приятелем Булгакова заместителем директора Большого театра Я.П. Леонтьевым. Письмо получившее вызывающее откровенным и смелым: Булгаков признал собой «глубокий скептицизм в от-ношении революционного процесса» (это в тридцатом го-ду!) и противопоставил ему «Великую эволюцию». Он про-сил Сталина либо выпустить его за границу с женой, либо

командировать в театр на работу по специальности в качес-ве штатного режиссера. В противном случае его ждет «нище-та, улица и гибель».

На этот раз Сталин отозвался. Не исключено, что его под-толкнуло к тому самоубийство Маяковского. Он позвонил Булгакову домой на другой день после похорон поэта, 18 ап-реля 1930 года. Как писал сам писатель, Сталин провел раз-говор ясно и «элегантно», его же самого охватил «обморок робости». Сталин сообщил Булгакову, что письмом им получе-но и прочитано «с товарищами». На прямой вопрос, настаи-вает ли Булгаков на выезде за границу, писатель поначалу смеялся, а потом сказал, что русский писатель не может жить вне родины. Сталин с удовлетворением принял это признание к сведению и рекомендовал Булгакову обратиться во МХАТ с заявлением о приеме на работу: «Мне кажется, — заявил он, — они согласятся». В заключение Сталин выразил желание встретиться с Булгаковым и поговорить (запись раз-говора Е. С. Булгаковой). Револьвер после разговора Булга-ков утилил.

Дальше события развивались по сталинскому сценарию. Булгаков поступил на службу во МХАТ. Но все остальное оста-лось по-прежнему — пьесы его не шли, произведения не печатались, за границу его не выпускали. Через год Булгаков вновь пишет письмо Сталину (30 мая 1931 года), где сообща-ет о мучительном желании вернуться к литературному твор-честву и невозможности реализовать его из-за растраченно-го здоровья и неврастении, вызванных затравленностью и молчанием. Он опять просил диктатора выпустить его за гра-ницу для лечения и осуществления своих творческих планов, обещал непременно вернуться обратно в СССР.

Есть в письме и такие строки: «Заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам». Сталин добился своего: несостоявшееся продолжение телефонного разговора с Булгаковым стало для последнего «мучительным несчастьем». Писатель вновь и вновь возвра-щался к неиспользованной возможности получить разреше-ние на выезд, целый год ждал приглашения на беседу.

Булгаков пытался осознать, что же все-таки произошло. Он считал, что на сей счет «имеются в Москве две теории. По первой (у нее многочисленные сторонники), — писал Булга-ков Вересаеву, — я нахожусь под непрерывным и вниматель-нейшим наблюдением, при коем учитывается всякая моя строчка, мысль, фраза, шаг». Гонения и неприятности писа-телю нужно претерпеть, чтобы из-под пера его вышла хвала. Булгакову эта теория казалась неверной, ибо гонимый и за-травленный писатель не способен на хвалу. (Как он ошибал-ся!). Для себя Булгаков придумал другую теорию: никому просто до него нет дела. Но и эта теория оказалась уязвима: ее нарушил звонок Сталина.

Все дело в том, что всеильный вождь ждал хвалы от опального писателя. А чтобы ведал, от кого все зависит, в 1932 году распорядился возобновить «Дни Турбиных» во МХАТе. Правда, узнал Булгаков об этом не от самого генсека, а все от того же Енукидзе, передавшего волю Сталина К. С. Станиславскому. А когда раздосадованный тиран счел, что Булгаков с хвалой задерживается, то дал личное указание «Правде» выступить с разгромной критикой пьесы Булгакова и мхатовского спектакля «Мольер» (редакционная статья «Внешний блеск и фальшивое содержание» от 9 марта 1936 года). После этого спектакль был снят, а Булгаков ушел из МХАТа.

В 30-е годы писатель жил с постоянным ощущением не-зримого присутствия Сталина в своей жизни. Это ощущение сказывалось не только на его настроениях, но и на творчест-ве: он должен был постоянно принимать в расчет этот фак-тор. В воспоминаниях близкого друга Булгакова С. Ермолин-ского содержится характерное замечание. В первых редакци-ях «Мастера и Маргариты» Булгаков при описании Воланда «не вскольз, а подчеркнуто сообщал, что у его необыкновен-ного иностранца на ноге были сросшиеся пальцы. В народе эту аномалию называют «копытом дьявола». Во всех более поздних редакциях этой детали уже не было.

На вопрос, почему она исчезла, Булгаков ответил, что не хочет давать повода любителям разыскивать прототипы. «Ду-маешь, не найдется человека «с копытом»? Обязательно на-йдется». Одного такого человека Булгаков знал точно. Это был Сталин.

Но вытравив опасную параллель из романа, писатель не мог вытравить ее из сознания: он все больше воспринимал Сталина как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно со-вершает благо». Эту иллюзию поддерживала Е. С. Булгакова, убежденная в тайном покровительстве Сталина Булгакову. Под воздействием этих мыслей у Булгакова возникла идея написать пьесу о Сталине. К ней писатель пришел в 1936 году, о чем говорят дневниковые записи Е. С. Булгаковой. Но пьесу он тогда не создал, а отправил лишь новое письмо Сталину.

К осуществлению задуманного Булгакова подтолкнули в 1938 году предложения написать для МХАТа пьесу на сталин-скую тему. Приближалось 60-летие генсека, и мхатовцы вспомнили о булгаковском замысле. Булгаков согласился и приступил к работе. Это давалось ему буквально с кровью. Приходилось пользоваться такими «источниками», как публи-кации палача Бери: ведь Булгаков писал пьесу о молодом Сталине. А Лаврентий Павлович успел стать крупнейшим «ав-торитетом» по истории закавказских партийных организаций. К лету 1939 года пьеса под окончательным названием «Ба-тум» была завершена. 12 июля состоялось ее чтение и одоб-рение в Комитете по делам искусств. 24 июля она была представлена во МХАТ.

Каковы бы ни были действительные или мнимые достои-ства «Батума», отмеченные современниками и позднейшими аналитиками, пьеса не выдерживает сравнения с шедеврами булгаковского драматургии. Перед нами та «хвала», которую ждал Сталин от Булгакова и которую все-таки получил. Боль-шой писатель включился в создание мифологии сталинизма, наряду с А. Толстым, Л. Фейтвангером и другими выдающи-мися мастерами. Другое дело, что при этом он остался Бул-гаковым и дал не совсем то, что от него требовалось.

После получения окончательного текста «Батума» МХАТ приступил к работе над пьесой. 14 августа 1939 года Бул-гов вместе с небольшой группой мхатовцев отправился поез-дом в Грузию для изучения архивных материалов на месте. О дальнейшем рассказано в воспоминаниях В. Виленики: с комфортом расположившаяся в международном вагоне бри-гада устроила отъездной банкет. Пили за успех, пренебрегая суевериями. «Поезд остановился в Серпухове и стоял уже несколько минут. В наш вагон вошла какая-то женщина и крикнула в коридоре: «Бухгалтеру телеграмма!» Михаил Афа-насьевич сидел в углу у окна..., лицо его сделалось серым. Он тихо сказал: «Это не бухгалтеря, а Булгакова». Он прочи-тал телеграмму вслух. «Ндобноность поездки отпала возвра-щайтесь Москву». По указанию, полученному МХАТом из сек-ретариата генерального секретаря, работа над постановкой была прекращена.

В октябре 1939 года Булгаков узнал все от той же О. С. Бокшанской о словах Сталина, осканзанных им Немировичу-Данченко в аванложе МХАТа: пьесу «Батум» он считает очень хорошей, но ставить ее нельзя. К этому времени Булгаков уже был безнадёжно болен: полученного удара со стороны своего героя он так и не смог пережить. Бул-гаков надорвался. Затянувшаяся театральная встреча с Дьяволом погубила его.

Встреча четвертая, посмертная

8 февраля 1940 года артисты МХАТа В. И. Качалов, Н. П. Хмелев и А. К. Тарасова обратились к секретарю Сталина Покребышеву с просьбой известить генерального секретаря о болезни Булгакова и уговорить его позвонить больному. На этот раз инициатива исходила не от Булгакова: в чудой-ственное влияние звонка свято верила Е. С. Булгакова.

Но у Сталина не нашлось времени на этот пукт. Из его секретариата все-таки позвонили. Но уже после смерти пи-сателя — с целью уточнить, «правда ли, что умер товарищ Булгаков».

И это было последней точкой в истории отношений Булга-кова и Сталина.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ.